Л. Синицкій.

У
С 28

23

ИЗЪ ИСТОРІИ

НОВЫХЪ ИДЕЙ ВЪ ОБЛАСТИ

ПРЕПОДАВАНІЯ ГЕОГРАФІИ.

МОСКВА.
Типо-литографія Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°, Пименовская ул., соб. домъ.
1903.

Оттискъ изъ журнала „Вѣстникъ Воспитанія“.

Изъ исторіи новыхъ идей въ области преподаванія географіи.

Знакомясь съ тѣмъ, что происходитъ теперь въ теоріи и практикѣ преподаванія географіи, мы можемъ съ удовольствіемъ констатировать, что въ этой области повѣяло свѣжею жизнью, «новымъ духомъ». Несомнѣнно, многое дѣлается не такъ и дѣлается лучше, чѣмъ обыкновенно дѣлалось еще недавно. Но при этомъ невольно напрашивается вопросъ, что собственно является характернымъ для нашего времени: широкая ли распространенность новыхъ теченій, или самая сущность ихъ содержанія? Нѣтъ ли во всемъ этомъ новомъ чего-либо и очень стараго, но лишь не добившагося въ свое время правъ гражданства?

Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, мы позволимъ себѣ воспользоваться матеріаломъ, собраннымъ *Хр. Груберомъ* въ его книгѣ «Развитіе методовъ преподаванія географіи въ XVIII и XIX в.» [1]).

Не только въ XVIII, но уже и въ XVII в. можно найти зачатки «новыхъ идей» относительно преподаванія географіи.

Походъ Бэкона Веруламскаго, Дж. Локка и М. де-Монтеня противъ «схоластической книжной мудрости и слѣпого преклоненія предъ авторитетомъ древнихъ класси-

[1]) Die Entwickelung der geographischen Lehrmethoden im XVIII und XIX Jahrhundert. Rückblicke und Ausblicke von *Dr. Christian Gruber*.

ковъ», значительные успѣхи естествознанія въ началѣ XVII в., обширныя географическія открытія въ новомъ свѣтѣ и на сѣверѣ Азіи не могли не отразиться на преподаваніи географіи. Сперва, впрочемъ, все это отразилось не на практикѣ, а лишь на теоріи преподаванія, выразившись въ реформаторскихъ идеяхъ *Амоса Коменскаго*.

Въ своей «Материнской школѣ» (Schola materna) знаменитый педагогъ требуетъ, чтобы первыя основы познанія географіи были заложены уже матерью. Именно не что иное, какъ «основы географіи усваиваетъ ребенокъ, когда узнаетъ, представляетъ ли мѣсто, гдѣ онъ живетъ, деревню, мѣстечко, городъ или замокъ; когда онъ начинаетъ понимать, что такое поле, лугъ, гора, лѣсъ, рѣка и т. д.». Все это очень здоровыя, но, къ сожалѣнію, до сихъ поръ слишкомъ мало примѣняемыя на практикѣ идеи.

Въ *Didactica magna* Коменскій говоритъ слѣдующее о преподаваніи географіи въ народной школѣ:

«Дѣтямъ должно быть сообщено самое важное изъ міровѣдѣнія, особенно о закругленіи неба, о шарообразности висящей въ срединѣ него земли, о движеніяхъ моря, о формахъ морей и рѣкъ, о частяхъ свѣта, о важнѣйшихъ государствахъ Европы, особенно о городахъ, горахъ и рѣкахъ собственнаго отечества и обо всемъ, что есть въ немъ замѣчательнаго».

Важнѣйшей заслугой Коменскаго является то, что онъ первый высказалъ руководящія идеи относительно преподаванія *родиновѣдѣнія*. Изученіе должно начаться со знакомства съ домомъ и его окрестностями. *Задача* курса—уяснить ученикамъ на объектахъ родины важнѣйшія основныя понятія географіи. Что касается *метода*, то центръ тяжести преподаванія долженъ полагаться въ реальномъ изученіи и наблюденіи предметовъ.

Большую пользу преподаванію географіи принесли и общіе принципы великаго педагога: онъ требовалъ, чтобы не было пробѣловъ, нарушающихъ послѣдовательность

преподаванія, чтобы за всякимъ словомъ стоялъ конкретный предметъ, чтобы преподаванію была придана возможная наглядность при помощи картинъ и примѣровъ, при чемъ предметъ долженъ быть сдѣланъ доступенъ «возможно большему числу чувствъ»: «умомъ усвоивается лишь то, что раньше воспринято чувствомъ» (Nihil est in intellectu, quod non ante fuerit in sensibus). Настаивалъ Коменскій и на частыхъ повтореніяхъ, на подчеркиваніи полезнаго для практической жизни и т. д.

Въ значительной степени вліянію Коменскаго нужно приписать то, что уже въ XVII вѣкѣ географія была введена въ программу большинства среднихъ школъ Германіи и что для преподаванія были приняты слѣдующія, напримѣръ, правила (въ брауншвейгскихъ школахъ):

Строго воспрещается записываніе подъ диктовку, отнимавшее массу времени прежде. Ученику разрѣшается записывать для памяти лишь опредѣленія и дѣлать краткія замѣтки. Методъ предписывается вопросный и вмѣстѣ аналитическій (method. Socratica et analytica). Во всѣхъ предметахъ должно избѣгать механическаго заучиванія наизусть, внушающаго лишь неохоту и отвращеніе. Ученіе должно быть сдѣлано легкимъ и пріятнымъ для учениковъ путемъ наглядnаго, упорядоченнаго, приспособленнаго къ юношескимъ силамъ и возбуждающаго къ самодѣятельности изображенія предметовъ. Чтобы держать вниманіе учениковъ постоянно на сторожѣ, учитель не долженъ держаться при спрашиваніи опредѣленнаго порядка, а спрашивать то одного, то другого. Онъ долженъ сперва ставить вопросы, не называя никого, и лишь послѣ того, какъ они поставлены, вызвать того, кто долженъ отвѣчать. Когда отвѣтъ данъ, учитель долженъ спросить другого ученика, вѣрно ли отвѣчено, чтобы дать ему возможность высказать свое сужденіе. Въ началѣ каждаго урока долженъ быть вкратцѣ повторенъ предыдущій. Кромѣ того, каждый разъ, какъ заканчивается крупный отдѣлъ предмета, должна происходить репетиція. У всѣхъ учениковъ

даннаго класса должны быть на рукахъ, по возможности, одни и тѣ же учебники и ландкарты.

На рубежѣ XVII и XVIII вѣка въ Германіи возникло религіозное движеніе, *піэтизмъ*, оказавшее очень замѣтное вліяніе и на возрожденіе жизни школы. Т. Циглеръ опредѣляетъ піэтизмъ, какъ борьбу противъ окостенѣвшей въ формализмѣ лютеранской ортодоксіи, какъ реакцію чувства противъ интеллектуализма въ области религіи. Исходя изъ ученія о первородномъ грѣхѣ, піэтисты считали человѣка дурнымъ отъ природы. Они видѣли мало хорошаго въ оригинальныхъ дарованіяхъ и старались придать всѣмъ одинаковыя черты путемъ воспитанія и привитія опредѣленныхъ привычекъ. Вопросы *воспитанія* привлекаютъ къ себѣ поэтому ихъ особое вниманіе.

Главой піэтистической педагогіи былъ Августъ Германъ *Франке*. При всей своей односторонности онъ обладалъ большою долей практическаго здраваго смысла и организаторскихъ способностей. Главныя педагогическія заслуги его заключаются въ томъ, что онъ положилъ много труда на дѣло развитія и расширенія элементарнаго преподаванія и подготовки учителей. Онъ отлично владѣлъ искусствомъ выяснять при помощи вопросовъ и отвѣтовъ то, что ученики должны были усвоить основательно. Много сдѣлано было имъ и для того, чтобы преподаваніе стало дѣйствительно наглядным: онъ организовалъ посѣщеніе мастерскихъ, устроилъ ботаническій садъ, составлялъ естественно-историческія коллекціи, училъ элементарной опытной физикѣ. Онъ училъ также, какъ разбирать на части тѣла убитыхъ звѣрей и птицъ и готовить чучела, училъ токарнымъ и картонажнымъ работамъ, шлифованію стекла и гравированію на мѣди. Наконецъ, онъ ввелъ во всѣхъ своихъ учебныхъ заведеніяхъ реальные предметы и примѣнилъ на практикѣ многое изъ того, что XVII в. требовалъ лишь теоретически.

Въ начальныхъ школахъ географія, по плану Франке, должна была проходиться лишь между прочимъ. Но въ

учительской семинаріи (Pädagogium) въ Глауха, близъ Галле, она изучалась, какъ самостоятельный предметъ. Лѣтомъ устраивались и экскурсіи, отыскивались на небѣ звѣзды, расположеніе которыхъ до того было усвоено по глобусу. Важнѣйшія каменныя породы изучались по образцамъ.

Франке требовалъ между прочимъ, чтобы преподаваніе географіи было связано съ чтеніемъ газетъ: ученики должны были научиться быстро и точно находить на картѣ мѣста, упоминаемыя въ газетѣ.

Курсъ географіи считался настолько важнымъ, что тѣхъ, кто не прошелъ еще его, не допускали къ изученію исторіи.

Дальнѣйшій шагъ впередъ былъ сдѣланъ школой «*филантроповъ*», использовавшихъ въ духѣ вѣка просвѣщенія (особенно выдвигая гуманитарные принципы) идеи Коменскаго, Локка, Руссо. Глава этой школы—*Базедовъ*—былъ скорѣе агитаторомъ, чѣмъ реформаторомъ. Его главная сила въ отрицаніи, въ установленіи общихъ принциповъ, но не въ практическомъ примѣненіи ихъ.

Принципы, которыхъ держался Базедовъ, носятъ на себѣ печать здоровой педагогической мысли. Онъ считаетъ болѣе важнымъ воспитаніе правдивыхъ, пригодныхъ къ общественной дѣятельности людей, чѣмъ выучку ихъ. Личный опытъ и наблюденіе считаетъ важнѣе безполезной игры въ слова, методъ наведенія при преподаваніи—полезнѣе легкаго затверживанія на память и противоестественной систематизаціи. Знаніе, ограничивающееся необходимѣйшимъ, но пригоднымъ для жизни, по его мнѣнію, цѣннѣе грудъ не имѣющаго практическаго примѣненія хлама.

Но высокому полету мысли Базедова не соотвѣтствуетъ ея практическое приложеніе. Послѣднее чаще оказывается мелкимъ, слабымъ, рѣзко противорѣчащимъ его общимъ принципамъ. Такъ было во всемъ, такъ было и въ об-

ласти географіи, поскольку съ ней соприкасался Базедовъ.

Базедовъ держится того взгляда, что преподаваніе географіи должно быть тѣсно связано съ изученіемъ исторіи и естествознанія, особенно въ младшихъ классахъ, такъ какъ на этой ступени умственнаго развитія дѣтямъ еще чуждо дѣленіе предметовъ и явленій по различнымъ отраслямъ знанія.

«Тѣсно сплетая географическія отношенія съ жизнью и трудомъ человѣка, указывая на зависимость дѣятельности человѣка отъ формъ земной поверхности, климата, погоды и временъ года, Базедовъ,—говоритъ Груберъ,—вноситъ въ свои разсужденія антропо - географическій моментъ. Онъ хотѣлъ бы привести природу и человѣка въ тѣсную, можно сказать, органическую связь». Но въ то же время Базедовъ не пошелъ дальше общихъ указаній. Правда, матеріалъ, которымъ можно было располагать въ его время, былъ не особенно обиленъ, но и при уровнѣ тогдашнихъ знаній можно было бы при обработкѣ его подойти гораздо ближе, чѣмъ это удалось Базедову, къ обрисовывавшемуся предъ нимъ идеалу общаго *міровѣдѣнія*.

Кромѣ удачнаго по идеѣ (но не по выполненію) плана концентраціи, въ заслугу Базедову и филантропамъ должно быть поставлено также стремленіе къ тому, чтобы сдѣлать возможно болѣе наглядными основныя географическія понятія и отношенія. Не только было примѣнено на приктикѣ то, что было завѣщано Коменскимъ, но и сдѣлано кое-что новое. Базедовъ стремился показать ученикамъ въ натурѣ все, что можно. Гдѣ не было соотвѣтственныхъ объектовъ, тамъ давались модели и рисунки.

Ученики Базедова, *Бартъ* (Bahrdt) и *Зальцманъ*, рекомендовали водить учениковъ въ поле и въ лѣсъ, въ мастерскія ремесленниковъ. Чтобы дать дѣтямъ наглядное представленіе о томъ, что такое верхъ и низъ на земномъ шарѣ, въ яблоко втыкался кругомъ рядъ иголокъ, всѣ

концы которыхъ были направлены къ центру. Во дворѣ, предназначенномъ для игръ, должно было находиться два огромныхъ полушарія, съ изображеніями на нихъ поверхности земного шара.

Базедовъ ждалъ очень многаго отъ своихъ ста гравюръ на мѣди, исполненныхъ главнымъ образомъ Ходовецкимъ. Онѣ должны были явиться для XVIII в. тѣмъ, чѣмъ былъ для своего времени «Orbis pictus» Коменскаго. Но онѣ далеко уступаютъ своему образцу. Противоестественная компановка картинъ, переполненіе ихъ излишними деталями, соединеніе на одномъ рисункѣ несоединимаго въ природѣ дѣлало ихъ малопригодными для имѣвшейся въ виду цѣли. Плохи были и карты этого изданія, далеко уступавшія имѣвшимся тогда картамъ въ изданіи Homann'a.

Изъ того, что Базедовъ далъ по обработкѣ географическихъ темъ, болѣе удачнымъ являются его очерки міровѣдѣнія для младшихъ классовъ. Исходя отъ картинъ Ходовецкаго, онъ даетъ разсказы о явленіяхъ природы въ связи съ изображеніемъ дѣятельности человѣка, пересыпая ихъ разсужденіями о почтенности труда, и т. п.

Ученикъ Базедова, *Бартъ*, отличается отъ своего учителя и въ лучшую, и въ худшую сторону. Съ одной стороны, онъ изгналъ изъ преподаванія географіи сухіе перечни и ряды цифръ, которыми была переполнена географія Европы Базедова, замѣнивъ ихъ живыми, красочными изображеніями странъ и народовъ земли. Но зато, съ другой стороны, Бартъ покинулъ путь, намѣченный Коменскимъ и Руссо и избранный Базедовымъ. Бартъ рекомендуетъ идти отъ *далекаго* къ *близкому*, пренебрегая прекраснымъ совѣтомъ Гете: «отправляйся отъ своего дома и расширяйся, если можешь, на весь міръ» [1]). Не видѣлъ онъ правды и въ наставленіи Руссо въ его «Эмилѣ»:

---

[1]) „Geh' vom Häuslichen aus und verbreite dich, so du kannst, über die ganze Welt".

«двумя исходными точками географіи должны быть городъ, гдѣ онъ живетъ, и деревенскій домъ его отца; далѣе промежуточныя мѣстности, сосѣднія рѣки. Затѣмъ пойдутъ наблюденія надъ солнцемъ, умѣніе оріентироваться... И пусть онъ самъ составитъ карту всего видѣннаго» [1]).

Бартъ совершенно отказывается отъ пропедевтическаго курса родиновѣдѣнія и рекомендуетъ такой планъ занятій. Въ звѣздную ночь ученикамъ нужно показать полярную звѣзду. Затѣмъ пусть они проведутъ идеальную линію отъ этой точки черезъ центръ земли въ ту область неба, которая находится подъ ногами. Установивши понятіе о полюсѣ, нужно развить затѣмъ понятіе экватора и меридіана, послѣ чего указать эти точки и линіи на глобусѣ, и т. д., и т. д.

Зато другой ученикъ Базедова, Хр. *Зальцманъ*, подъ вліяніемъ котораго долго находился К. Риттеръ, былъ краснорѣчивымъ проповѣдникомъ необходимости курса родиновѣдѣнія. «Раньше, чѣмъ мои ученики, — говоритъ онъ въ своемъ сочиненіи «Noch etwas über Erziehung»,— начнутъ думать о произведеніяхъ Остъ- и Вестъ-Индіи, нужно, чтобы они познакомились съ произведеніями своего округа и Тюрингенскаго лѣса. Раньше, чѣмъ мы начнемъ говорить о Карпатскихъ горахъ и о Пиндѣ, о Парижѣ, Лиссабонѣ, Римѣ и Аѳинахъ, нужно, чтобы намъ стала извѣстна цѣпь горъ, у подножія которой мы живемъ; нужно будетъ взобраться на Инзельбергъ, чтобы взглянуть съ этой горы на Франконію, Гессенъ, Тюрингію; нужно увидѣть по крайней мѣрѣ нѣсколько селъ и городовъ, чтобы связывать нѣчто соотвѣтствующее дѣйствительности со словами горная цѣпь, гора, село, мѣстечко, городъ, про-

[1]) „Les deux premiers points de géographie seront la ville, où il demeure et la maison de campagne de son père; ensuite les lieux intermédiaires, ensuite les rivières du voisinage, enfin l'aspect du soleil et la manière de s'orienter... qu'il fasse lui-même la carte de tout cela". (Emile, liv. III).

винція. Разсказы ребенка, не имѣющаго еще яснаго представленія о природѣ и политическомъ строѣ той области, гдѣ онъ воспитывается, разсказы его о Карпатскихъ горахъ, о формахъ правленія и доходахъ Франціи или Китая—это только болтовня скворца, даже меньше того. Скворецъ ровно ничего не думаетъ, когда говоритъ, а ребенокъ представляетъ себѣ что то совершенно ложное».

Въ вѣкъ просвѣщенія филантропинизмъ былъ постепенно вытѣсненъ въ Германіи *новогуманизмомъ*. Основной характеръ этого новаго педагогическаго настроенія опредѣляется тезисомъ: «нѣмцы должны соединить со своими собственными свойствами лишь преимущества грековъ и римлянъ; они должны использовать грековъ и римлянъ лишь для того, чтобы стать еще лучшими нѣмцами и превзойти грековъ и римлянъ вообще во всякаго рода совершенствахъ».

Изъ тѣхъ новогуманистовъ, кому пришлось высказаться по поводу географіи, болѣе всѣхъ выдаются Гедике и Гердеръ.

Гедике придаетъ особое значеніе самодѣятельности, собственной мысли и свободной работѣ. А надлежащее развитіе самодѣятельности мысли въ области географіи возможно лишь тогда, если мы будемъ начинать предметъ съ изученія родины, если будемъ соблюдать при изученіи географіи правило: отъ слѣдствія къ причинѣ, а не обратно.

Въ свое время голосъ Гедике былъ гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Но онъ высказалъ такъ много мыслей, выдаваемыхъ теперь за послѣднее слово науки, что на нихъ стоитъ остановиться подробнѣе.

Методъ преподаванія географіи, говоритъ онъ, долженъ быть *относительнымъ*: характеръ преподаванія долженъ мѣняться примѣнительно къ возрасту учащихся, ихъ будущей профессіи, времени, мѣсту.

Для каждаго *возраста* необходима своя географія, и чѣмъ старше дѣлается учащійся, тѣмъ дальше должны

раздвигаться предѣлы предмета. А какъ мало считаемся мы съ требованіями возраста! Укажемъ лишь на одно. Изъ понятій математической географіи не слѣдовало бы ровно ничего включать въ географію для дѣтскаго возраста. А обыкновенно мы начинаемъ именно съ того, что принимаемся объяснять навострившему уши ребенку, что такое экваторъ и полюсъ, ось и меридіанъ, долгота и широта мѣста. Что связываетъ ученикъ съ этими отвлеченными понятіями? Самое лучшее, если ничего, а часто что-нибудь совершенно дикое. Экваторъ представляется многимъ дѣтямъ полоской, дѣйствительно идущей по землѣ и раздѣляющей ее на двѣ половины, а ось—длинпымъ стержнемъ, проходящимъ сквозь землю. Такое убѣжденіе становится еще болѣе твердымъ, если ось земли сравпиваютъ съ осью колеса.

Нужно считаться и съ требованіями *профессіи*, къ которой готовится ученикъ. Будущій ученый, будущій купецъ или морякъ нуждаются не въ однихъ и тѣхъ же предварительныхъ знаніяхъ.

Нельзя игнорировать и требованій *времени*. Текущія событія привлекаютъ наше вниманіе то къ той, то къ другой странѣ, которую и приходится изучать съ большею подробностью.

Всего же важнѣе считаться съ требованіями *мѣста*. Постепенность изученія географіи должна опредѣляться тѣмъ, въ какой мѣстности живутъ ученики и учитель. Теперь же изученіе предмета идетъ въ противоположномъ порядкѣ. Съ чего обыкновенно начинаемъ мы? Сперва ученики знакомятся съ картой міра. Затѣмъ проходятъ Азію, Африку и Америку и лишь тогда попадаютъ въ Европу. Но прежде чѣмъ и въ ней остановиться на своей родинѣ, они изучаютъ всю эту часть свѣта въ цѣломъ, затѣмъ Португалію, Испанію, Францію и т. д. и лишь въ концѣ-концовъ добираются до родины. Удивительное путешествіе! Отъ абстракцій—къ конкретнымъ представленіямъ, отъ общаго—къ частному, отъ заучива-

нія на память—къ забвенію. Серьезно: какъ можно вообразить, чтобы для мальчика, еще ничего не знающаго о своемъ отечествѣ, было важно знакомство съ Португаліей и Испаніей. Знакомство съ чужими странами пріобрѣтаетъ для него важность лишь послѣ знакомства со своей родиной, а не наоборотъ. Было бы гораздо естественнѣе исходить въ изученіи географіи отъ своей ближайшей родины, отъ родного города или селенія и послѣ этого переходить къ областямъ, находящимся въ связи съ родиной. Карта міра должна быть послѣднею изъ картъ, съ какой познакомится ученикъ. Чтобы дать представленіе о кругосвѣтныхъ путешествіяхъ, въ тысячу разъ лучше пользоваться глобусомъ, а не картой всего міра.

Преподавая географію, нужно заботиться о томъ, чтобы развить здоровое *воображеніе*. Мы вѣдь учимся географіи не за тѣмъ, чтобы удержать въ головѣ большое количество названій, а за тѣмъ, чтобы отчетливо представить себѣ мѣстныя отношенія. Въ нашемъ воображеніи должна вставать ясная картина и карта мѣстности. Нужно прежде всего развить умѣніе живо вообразить себѣ эту картину и карту, а не сосредоточивать всего вниманія, какъ это обыкновенно дѣлается, на развитіи памяти. Память, заполненная названіями, это бочка, полная гороху. Вы сунете туда руку, и горошины выскальзываютъ одна за другой. Разница лишь въ томъ, что для васъ все равно, какая именно горошина попадется вамъ, но далеко не все равно, какое именно названіе придетъ на умъ. Почему названія легче помнить, чѣмъ цифры? Именно потому, что съ названіями, особенно съ личными именами, воображеніе связываетъ опредѣленную картину. Можно установить различіе даже относительно чиселъ. Суммы денегъ усваиваются легче, чѣмъ числа годовъ, такъ какъ въ первомъ случаѣ открывается болѣе широкое поле для дѣятельности воображенія.

Немаловажной заслугой Гедике было и то, что въ ту эпоху, когда на географію почти всѣ смотрѣли, какъ на

вспомогательный предметъ по отношенію къ исторіи, онъ настаивалъ на полной самостоятельности ея. Безъ географіи, говорилъ онъ, нельзя понять исторіи, но не обратно. Школьную географію нужно очистить отъ того ненужнаго историческаго балласта, которымъ переполнены учебники ея.

Другой, болѣе великій новогуманистъ, *Гердеръ*, выразилъ свои взгляды относительно того, какъ должна преподаваться географія, главнымъ образомъ въ рѣчи «О значеніи и пользѣ географіи», произнесенной имъ въ Веймарской школѣ.

Географіи ставится въ упрекъ, говоритъ Гердеръ, что она—сухой предметъ. Обработка этого предмета въ «краткихъ вопросахъ» Гюбнера (наиболѣе распространенный учебникъ того времени) дѣйствительно суха. Но это и не географія. «Не сочли ли бы мы совершенно неумнымъ того человѣка, который, желая изучить латинскій и греческій языки, училъ бы одинъ словарь? А вѣдь однимъ только словаремъ и представляется географія и исторія, если въ нихъ нѣтъ ничего кромѣ списковъ названій рѣкъ, странъ, городовъ, королей, битвъ, мирныхъ договоровъ. Все это—необходимые матеріалы, но они нужны для построенія зданія, а безъ этого зданія они—только камни и известь, т.-е. мусоръ, никому не могущій доставить радости, такъ какъ въ немъ нѣтъ духа живого. Краски необходимы живописцу, но необходимы лишь для картины. Только въ ней онѣ радуютъ глазъ и возвышаютъ душу».

Географія должна знакомить не съ сухой номенклатурой, а съ чуднымъ зданіемъ, въ которомъ живетъ человѣчество. «Когда юноша уясняетъ себѣ, при свѣтѣ науки, что все на поверхности земли, что казалось ему прежде хаотичнымъ, совершается по опредѣленнымъ законамъ и правиламъ; когда онъ видитъ, какъ въ зависимости, напримѣръ, отъ климата мѣняются формы, краски, характеръ жизни, обычаи, религія, но что, несмотря на всѣ

различія, родъ человѣческій является все-таки братскимъ родомъ, происходящимъ отъ одного Отца и стремящимся къ одной цѣли общаго благополучія,—о, какъ это поднимаетъ и расширяетъ его душу!»

Географія вмѣстѣ съ исторіей, говоритъ далѣе Гердеръ, помогаетъ намъ избавиться отъ ряда предразсудковъ, находить истину, красоту и пользу, подъ какой бы оболочкой онѣ ни скрывались. Географія открываетъ намъ глаза на наши дѣйствительныя преимущества, но вмѣстѣ съ тѣмъ, развивая въ насъ чувство гуманности (sensum humanitatis) во всѣхъ его видахъ и формахъ, учитъ относиться ко всѣмъ націямъ земли безъ презрѣнія и ненависти.

Географія не отдѣлима отъ исторіи и естествознанія, но та географія, которая преподается маленькимъ дѣтямъ, должна въ особенности сливаться съ естествознаніемъ. Послѣднее гораздо больше по силамъ дѣтскому уму, чѣмъ исторія. «Естественная исторія—это тотъ предметъ, который больше всякаго другого способенъ увлечь дѣтей и подростковъ и наполнить ихъ головы богатѣйшими, чистѣйшими, истиннѣйшими и полезнѣйшими картинами и идеями, какихъ имъ не дадутъ ни логика, ни метафизика. Естественная исторія и является поэтому самой настоящей, пріятной и полезной географіей для дѣтей. Слонъ и тигръ, крокодилъ и китъ интересуютъ дѣтей гораздо больше, чѣмъ восемь курфирстовъ въ ихъ горностаевыхъ шапкахъ и шубахъ. Знакомство съ великими движеніями на землѣ и на морѣ при вулканическихъ изверженіяхъ, приливахъ и отливахъ, періодическихъ вѣтрахъ и т. д. гораздо болѣе подходитъ къ годамъ и силамъ дитяти, чѣмъ детали мелкихъ историческихъ событій. Естествознаніе обрисуетъ неизгладимыми чертами каждую страну, каждое море, каждый островъ, каждый климатъ, каждую расу, каждую часть свѣта: тѣмъ болѣе, что эти характерныя черты постоянны и не мѣняются вмѣстѣ съ именемъ смертнаго правителя. Египетскій бе-

гемотъ, аравійскій верблюдъ, индійскій слонъ, африканскій левъ, американскій кайманъ и т. д. являются такими символами и отличительными признаками отдѣльныхъ странъ, которые заслуживаютъ гораздо большаго запоминанія, чѣмъ измѣнчивыя границы, проведенныя большею частью невѣрнымъ миромъ и разрушающіяся при первой же войнѣ. И такъ какъ всѣ царства природы такъ близки одно къ другому и цѣпь всѣхъ земныхъ явленій такъ переплелась, то, вспоминая объ одномъ, мы невольно думаемъ и о другомъ. Гора напоминаетъ о металлахъ и минералахъ, источникахъ и потокахъ, о дѣйствіи атмосферы, о животныхъ и людяхъ, живущихъ на ея склонахъ. Все здѣсь строится одно на другомъ и оставляетъ въ душѣ развивающагося мальчика незабываемый образъ, полный поучительныхъ чертъ. А все усвоенное въ этой области найдетъ впослѣдствіи многостороннее и полезное примѣненіе въ различныхъ отрасляхъ знанія».

Такимъ образомъ уже Гердеръ видѣлъ задачу географіи въ томъ же, въ чемъ видятъ ее представители современнаго землевѣдѣнія: въ изображеніи земной поверхности въ ея цѣломъ, во всей совокупности и связности происходящихъ на ней явленій.

Помимо этихъ общихъ соображеній, мы находимъ (въ составленной Гердеромъ инструкціи для Веймарской гимназіи) и болѣе детальный планъ постановки предмета, начиная съ 5-го и до 1-го класса (счетъ классовъ въ нѣмецкихъ гимназіяхъ обратный, какъ у насъ въ женскихъ Маріинскихъ гимназіяхъ и институтахъ).

Въ 5 кл. на географію отведено два урока, при чемъ должна изучаться лишь естественно-историческая сторона ея. Имена королей остаются неизвѣстными для дѣтей. Они учатъ лишь физическую географію, т.-е. страны, горы, рѣки, моря, замѣчательныя растенія и животныя. Предварительно изучается общій видъ и строеніе земли. Мальчикъ знакомится съ тѣмъ, гдѣ водятся олени и слоны, гдѣ обезьяны и верблюды, гдѣ добываются алмазы, гдѣ

растетъ кофе и чай, какіе народы добываютъ ихъ, какъ выглядятъ эти народы и т. д. Самые важные изъ этихъ предметовъ должны быть показаны на гравюрахъ.

Въ 4 классѣ преподаваніе географіи продолжается въ томъ же духѣ и постепенно связывается съ политической географіей. Но при этомъ должно быть отброшено все непонятное и ненужное для средняго человѣка. Относительно природы отдѣльныхъ странъ, нравовъ и обычаевъ ихъ народовъ должны быть даны такіе свѣдѣнія, которыя нужны мальчику, чтобы онъ могъ понимать газету и безъ краски стыда могъ присутствовать при разговорѣ на политическую тему. Само собою разумѣется, что особое вниманіе должно быть удѣлено Германіи, въ частности Саксоніи и Тюрингіи.

Инструкціи для 3-го кл. не осталось.

Во 2 классѣ должны быть искусно соединены въ одно цѣлое физическая, политическая и коммерческая географія. Нужно избѣгать обремененія головъ учащихся сухими перечнями названій городовъ и перечисленіями ничтожныхъ «примѣчательностей», являющихся любопытными лишь для антикварія. Главною цѣлью должно быть—дать учащимся, въ крупныхъ чертахъ, представленіе о томъ, поскольку взаимныя отношенія различныхъ странъ и политическихъ силъ обусловливаются естественными и политическими особенностями страны.

Въ 1 кл. нужно дать нѣчто связное и цѣльное въ видѣ соединеннаго курса политической, физической и исторической географіи.

Переходимъ теперь къ XIX вѣку.

Уже къ началу его, а особенно въ первой его половинѣ достигли значительнаго развитія точныя науки. Сильно подвинулось къ этому времени и наше знакомство съ землей. Все это не могло не отразиться самымъ благодѣтельнымъ образомъ на географіи, какъ на предметѣ преподаванія. «Въ исходѣ XVIII в.,—говоритъ въ своихъ «Zeitströmungen in der Geographie» Э. Высоцкій,—начи-

наетъ зарождаться физическая географія, ставящая предъ собою крупныя цѣли. Это стало возможнымъ благодаря тому, что во 2-й половинѣ этого вѣка происходитъ болѣе тѣсное объединеніе естественно-научной дѣятельности. Особенно важны были достопамятныя естественно-научныя и географическія путешествія петербургскихъ академиковъ, продолжавшіяся нѣсколько десятилѣтій, начиная съ 70-хъ годовъ. Громадное значеніе имѣло также троекратное путешествіе вокругъ земли Кука и его спутниковъ. Не менѣе важно было и то, что какъ разъ къ этому времени стала наукой геологія, сестра физической географіи. Это произошло послѣ того, какъ физика и химія дали надлежащія основы для пониманія физическаго состоянія и химическихъ измѣненій земного шара, а ботаника и зоологія — для уясненія развитія растительной и животной жизни на землѣ. Наконецъ, необходимо упомянуть и о томъ, что въ то же время было поставлено на рельсы изученіе горъ, особенно высокихъ горъ, благодаря Рамонъ де-Карбоньеру (Ramond de Carbonnières), «живописцу Пиренеевъ», преимущественно Г. де-Соссюру и усовершенствованію формулъ барометра». Тѣ же стороны отмѣтилъ въ свое время и Ратцель въ своей рѣчи (1879 г.) по поводу столѣтія со дня рожденія Риттера. Сверхъ того онъ указалъ еще на значительные успѣхи къ началу XIX в. картографіи, метеорологіи, статистики населенія. Стала нарождаться и антропологія. Вмѣстѣ съ тѣмъ наблюдалось небывалое оживленіе въ области педагогики, именно въ это время съ особенной энергіей занявшейся реформой преподаванія географіи. А послѣднее, несмотря на всѣ усилія теоретиковъ XVIII в., все еще было поставлено такъ, что вызывало справедливое негодованіе Канта на «суммарное разсмотрѣніе выдающихся примѣчательностей всѣхъ странъ». «Если бы только все это не трактовалось такъ сухо и отрывочно, такъ бездушно и мертвенно! Ничего кромѣ перечней и названій, груды разрозненныхъ статистическихъ данныхъ! Въ политическія рам-

ки вносятся всѣ тѣ данныя о природѣ, о которыхъ заблагоразсудится упомянуть, т.-е. даются перечни горъ, рѣкъ, озеръ и т. д., находящихся въ предѣлахъ государства, и даются въ такомъ духѣ, какъ составляется инвентарь домашняго имущества; перечисляютъ естественныя произведенія такъ, какъ будто бы дѣло шло о содержимомъ чулановъ, погребовъ и конюшенъ; а произведенія промышленности и предметы торговли исчисляются подобно тому, какъ это дѣлается въ ярмарочныхъ указателяхъ. Нигдѣ не выдвигается ничего отличительнаго, характернаго, и описанія различныхъ странъ и городовъ въ концѣ-концовъ ничѣмъ не разнятся другъ отъ друга».

Изъ педагоговъ начала XIX в. наибольшее вліяніе на реформу постановки преподаванія географіи имѣли, несомнѣнно, *Песталоцци* и его ученики, особенно Тоблѐръ и Геннингъ. Въ идеяхъ Песталоцци можно узнать многое изъ идей Коменскаго и филантроповъ, но онѣ у него получили дальнѣйшее развитіе, а идеи филантроповъ сверхъ того были освобождены отъ того ненужнаго и ложнаго, что составляло случайные наросты на здоровомъ ядрѣ. Подобно Коменскому, Песталоцци придавалъ огромное значеніе наглядности. Онъ былъ неумолимымъ врагомъ всякихъ чисто словесныхъ опредѣленій. Всякія опредѣленія, говорилъ онъ, имѣютъ для дитяти смыслъ лишь въ томъ случаѣ, если за ними стоятъ совершенно отчетливыя конкретныя представленія. Гдѣ же этого нѣтъ, тамъ ребенокъ учится лишь играть словами, обманывать себя и слѣпо вѣрить звукамъ, которые не даютъ ему никакихъ образовъ.

Подобно Базедову, Песталоцци былъ сторонникомъ соединенія въ одно цѣлое родиновѣдѣнія съ начатками естествознанія, совмѣстнаго изученія жизни людей и природной обстановки. «Исходные пункты географіи,—говорилъ онъ,—очень долго соединяются для дитяти съ исходными пунктами зоологіи, минералогіи, ботаники, механики и химіи. Даже начальные пункты человѣческихъ и

гражданскихъ отношеній попадаютъ для него въ эту большую смѣсь его общихъ воззрѣній на міръ. И прежде, чѣмъ отдѣльныя части его міровоззрѣнія станутъ для него предметами отдѣльныхъ наукъ, нужно, чтобы эта смѣсь, совокупность всѣхъ его воззрѣній, получила въ общемъ и цѣломъ въ его сознаніи больше прочности и совершенства».

Дѣйствительная постановка преподаванія географіи въ песталоццієвскихъ школахъ не была свободна отъ недостатковъ. Такъ, Песталоцци начиналъ изученіе географіи съ того, что дѣти заучивали на память названія морей, главныхъ рѣкъ и притоковъ, городовъ. Учитель произносилъ то или другое названіе, а ученики хоромъ повторяли его за нимъ. Дѣлалось это въ томъ расчетѣ, что въ дѣтскомъ возрастѣ память очень воспріимчива, а потому ее очень легко снабдить тѣмъ матеріаломъ, который понадобится ей впослѣдствіи. Песталоцци питалъ также при этомъ совершенно ошибочную надежду на то, что если ученики найдутъ впослѣдствіи всѣ эти названія на картѣ, то они навсегда врѣжутся въ ихъ память.

Но это было лишь ненужной прелюдіей. Изученіе же собственно географіи начиналось совершенно раціонально—съ родиновѣдѣнія. Говоря словами Фр. Ратцеля, дѣло въ Ифертенѣ было поставлено такъ, чтобы путемъ самостоятельныхъ наблюденій надъ ближайшимъ переходить къ пониманію далекаго. Начинали съ изученія ближайшей окрестности, затѣмъ путемъ непосредственнаго наблюденія знакомились со всей ифертенской впадиной, гдѣ лежала школа Песталоцци. Каждый изъ учениковъ долженъ былъ изготовить изъ глины рельефъ этой впадины. На основаніи знакомства съ формами поверхности родины и составлялись основныя географическія понятія. Къ этимъ понятіямъ постоянно возвращались впослѣдствіи при изученіи далекихъ странъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ вниманіе маленькихъ изслѣдователей постоянно обращалось на причинную зависимость между людьми и матерью-землей. И, что особенно важно, подобное генетическое изученіе

предмета производилось не въ какомъ-либо высшемъ учебномъ заведеніи, а въ элементарной школѣ.

Проведеніе идей Песталоцци въ жизнь школы совершалось не только имъ самимъ, но и его учениками, особенно *Тоблеромъ*. Къ сожалѣнію, сочиненія Тоблера извѣстны лишь по небольшимъ отрывкамъ изъ записей учениковъ; есть также всѣ основанія предполагать, что рукописями Тоблера широко пользовался для своихъ книгъ другой изъ учениковъ Песталоцци—Геннингъ.

Тоблеръ, говоря его собственными словами, стремился «поднять преподаваніе географіи надъ безжизненностью голой номенклатуры, внести въ предметъ порядокъ, данный самою природой, обосновать жизнь всѣхъ частей земли на свойствахъ и отношеніяхъ ихъ природныхъ особенностей и переработать это такъ, чтобы все это могло стать предметомъ самостоятельнаго изученія для юношества. Самое же преподаваніе должно вестись такъ, чтобы оно соотвѣтствовало характеру науки и дѣтской природы».

Изъ сохранившихся отрывковъ географіи Тоблера видно, что онъ старался дать, на основаніи знакомства съ швейцарской природой, наглядное представленіе о возможно большемъ количествѣ понятій и фактовъ. Говоря о климатическихъ условіяхъ, онъ указывалъ на ихъ вліяніе на органическую жизнь и приводилъ такимъ образомъ въ неразрывную связь отдѣльные географическіе элементы. Особенное вниманіе обращалось при этомъ на самодѣятельность учащихся. Ученики изучали подробныя карты съ тѣмъ, чтобы самимъ извлечь изъ нихъ весь заключающійся въ нихъ матеріалъ. Хотя преимущественно проходилась физическая географія, но не забывали и о политической, только не отводили ей господствующаго мѣста. Наиболѣе внимательно останавливались при этомъ на положеніи городовъ.

Геннингъ въ своемъ малосамостоятельномъ, повидимому, «Руководствѣ по методикѣ географіи» (Leitfaden beim methodischen Unterricht in der Geographie) строитъ очень

выдержанный курсъ преподаванія географіи по синтетическому методу. При этомъ съ изученіемъ географіи связывается знакомство съ описательнымъ естествознаніемъ и астрономіей. Сперва ученики остаются въ предѣлахъ ближайшаго округа; знакомясь съ формами суши, водой, растеніями, животными, наблюдаютъ температуру и т. д. Только къ 12-ти годамъ переходятъ они къ общему обзору географіи, при чемъ земля изучается по пространствамъ, опредѣляемымъ естественными границами. Эти «естественныя области» характеризуютъ широкими чертами, принимая во вниманіе геологическое строеніе и зависимость органическаго міра отъ климатическихъ условій. Затѣмъ слѣдуетъ краткая политическая и математическая географія. Только послѣ всего этого молодыя головы, по мнѣнію Геннинга, являются достаточно подготовленными къ знакомству со спеціальной географіей отдѣльныхъ странъ. Для низшихъ школъ, думалъ онъ, будетъ достаточно хорошаго знакомства съ отечествомъ.

Географическія воззрѣнія Песталоцци и его учениковъ во многихъ отношеніяхъ сближаются съ идеями одного изъ величайшихъ географовъ XIX в. — Карла Риттера. Сходство взглядовъ отчасти опредѣлялось личными отношеніями между Риттеромъ и учениками Песталоцци. Между 1807 и 1812 годами Риттеръ четыре раза посѣтилъ Ифертенъ, гдѣ встрѣтилъ очень радушный пріемъ. Риттеръ очень охотно дѣлился своими знаніями и идеями съ Тоблеромъ и Геннингомъ, и они обязаны ему многими указаніями относительно методовъ обработки географіи. Съ другой стороны, идеи Песталоцци оказали несомнѣнное вліяніе на Риттера, и онъ самъ указывалъ на то, что его руководство по географіи Европы выполнено въ духѣ методы Песталоцци (переходъ отъ простого къ сложному, выясненіе причинной связи явленій).

Ни одинъ изъ ученыхъ географовъ не оказалъ такого

громаднаго вліянія на постановку преподаванія географіи, какъ именно К. Риттеръ. Онъ былъ не только ученымъ, подобно А. ф.-Гумбольдту, но и педагогомъ въ тѣснѣйшемъ смыслѣ слова. Въ теченіе многихъ лѣтъ онъ стоялъ очень близко къ школѣ. Указавъ рядъ существенныхъ недостатковъ, отъ которыхъ страдало тогдашнее преподаваніе, Риттеръ не ограничился одною критикой. Онъ сдѣлалъ также много положительнаго, показавъ, какъ можетъ быть установлена связь между явленіями природы и ходомъ исторіи и какъ изученіе этой связи можетъ быть проведено даже въ школьномъ курсѣ. Не ограничиваясь одними теоретическими соображеніями, онъ далъ рядъ цѣнныхъ практическихъ указаній и сдвинулъ преподаваніе географіи съ той мертвой точки, на которой оно застыло, несмотря на всѣ усилія методиковъ XVIII в. Благодаря Риттеру, изученіе географіи стало безконечно легче, такъ какъ примѣненіе къ ней научныхъ методовъ внесло въ нее цѣльность и ясность. Географія перестала быть сводомъ случайныхъ фактовъ, усваиваемыхъ одною памятью, а сдѣлалась истинной наукой, могущей служить однимъ изъ лучшихъ средствъ и для формальнаго развитія.

Риттеръ былъ сторонникомъ *синтетическаго* метода преподаванія географіи. Самымъ естественнымъ методомъ, по словамъ Р., является тотъ, который научаетъ дѣтей разбираться въ дѣйствительности, научаетъ ихъ видѣть то, что находится предъ ихъ глазами. «Придется ли дитяти пріобрѣтать свои географическія познанія въ городѣ или въ деревнѣ, среди горъ или въ долинѣ, во всякомъ случаѣ знанія эти должны быть получены не въ комнатѣ, не по картѣ или по книгѣ, а почерпнуты изъ самой природы, и это всегда должно быть такъ. Эта элементарная метода отвѣчаетъ всѣмъ требованіямъ науки и методики и потому является единственной. При ея посредствѣ дитя научается понимать страну во всѣхъ ея отношеніяхъ. Научившись рисовать изображеніе видѣнной

имъ страны, ребенокъ научается вмѣстѣ съ тѣмъ понимать карту всѣхъ другихъ странъ. Когда пройдена эта элементарная ступень, то вмѣстѣ съ тѣмъ устраняется большая часть тѣхъ трудностей, какія представляетъ дальнѣйшее изученіе географіи.

Но главная заслуга Риттера не въ томъ, конечно, что онъ выдвигалъ этотъ естественный, синтетическій методъ преподаванія географіи: методъ этотъ и теоретически, и практически проводился въ жизнь еще задолго до него. Гораздо важнѣе то, что Р. провелъ въ школу морфологически-*генетическій* методъ: онъ сосредоточилъ главное вниманіе на выясненіи *происхожденія* формъ, установилъ органическую связь между всѣми явленіями, въ особенности же установилъ зависимость человѣка отъ обитаемой имъ территоріи. Наиболѣе блестяще къ цѣлямъ преподаванія методъ этотъ былъ примѣненъ Риттеромъ въ его руководствѣ по географіи Европы [1]), въ предисловіи къ которому онъ говоритъ слѣдующее:

«Моею цѣлью было — возвысить учителя до живого представленія о всей странѣ, съ ея естественными и искусственными произведеніями, о мірѣ человѣка и природы. Все это я старался изобразить настолько связнымъ, цѣлымъ, чтобы важнѣйшіе выводы относительно природы и человѣка вытекали сами собою, путемъ взаимнаго сравненія. Земля и ея обитатели находятся въ тѣснѣйшемъ взаимоотношеніи. Страна вліяетъ на обитателей, а обитатели—на страну. Физическая географія является поэтому и основой географіи вообще. Она придаетъ связь цѣлому, а каждой части сообщаетъ оригинальный характеръ и жизнь».

Слѣдуя этимъ руководящимъ идеямъ, Р. предпосылаетъ разсмотрѣнію каждаго отдѣльнаго государства историческое введеніе. Затѣмъ изображается форма поверх-

---

[1]) Europa. Ein geographisch - historisch - statistisches Gemälde. 2 тома, 1804 г.

ности, другія природныя условія и культурно-географическія отношенія. Въ заключеніе приводятся общіе перечни данныхъ о населеніи.

Къ руководству по географіи Европы впослѣдствіи было приложено 6 слѣдующихъ картъ:

1. Карта распространенія культурныхъ растеній въ Европѣ.
2. Карта распространенія дикорастущихъ деревьевъ и кустарниковъ.
3. Карта распространенія дикихъ и прирученныхъ млекопитающихъ.
4. Карта распространенія главныхъ горныхъ цѣпей и предгорій.
5. Карта горныхъ высотъ въ Европѣ и границъ растительности на нихъ (сравненіе съ жаркимъ поясомъ).
6. Карта величины площадей, густоты населенія, количества населенія и распространенія племенъ въ Европѣ.

Въ эпоху Риттера не было еще вполнѣ достаточнаго фактическаго матеріала для безукоризненнаго выполненія всѣхъ этихъ картъ. Тѣмъ не менѣе въ педагогическомъ отношеніи онѣ имѣютъ громаднѣйшую цѣну. «Онѣ,—говоритъ Груберъ,—не только составляютъ существенный шагъ впередъ въ преподаваніи географіи: въ частности онѣ-то именно и пролагали пути для практическаго проведенія въ школу идей Риттера».

Что касается общихъ взглядовъ Риттера на цѣли преподаванія географіи и желательную постановку этого предмета, то они всего опредѣленнѣе выражены имъ въ «нѣсколькихъ замѣчаніяхъ относительно методовъ преподаванія географіи» [1]). «Настоящая задача географіи,—говоритъ онъ,—въ томъ, чтобы познакомить человѣка съ поприщемъ его дѣятельности какъ въ частности, такъ и

---

[1]) Einige Bemerkungen über den methodischen Unterricht in der Geographie. Guts Muths Bibliothek der pädagogischen Literatur, 1806, B. II, S. 198—219.

въ цѣломъ. Поэтому и поприще это должно описываться не само по себѣ, а по его отношенію къ человѣку. Вотъ почему географія вторгается въ области почти всѣхъ практическихъ знаній. Ставить ей это въ упрекъ—значитъ не понимать ея сущности. До тѣхъ поръ пока нельзя отрицать, что мѣстность оказываетъ самое рѣшительное вліяніе на всѣ три царства природы, на добываніе естественныхъ произведеній, на переработку и распространеніе ихъ, на строеніе тѣла и душевные задатки людей, на возможное или дѣйствительное соединеніе ихъ въ народности и государства, на ускореніе или задержку ихъ физической, интеллектуальной и моральной культуры, до тѣхъ поръ пока, говорю я, нельзя отрицать всего этого, дотолѣ и географіи нельзя указать болѣе ограниченнаго поля дѣятельности. Она является связью между міромъ природы и міромъ человѣка, она не отдѣлима отъ обоихъ, такъ какъ является необходимѣйшимъ и первымъ условіемъ для характеристики обоихъ. Я утверждаю, что совершенно немыслимо изучить удовлетворительно географію, естествознаніе и исторію съ этнографіей, если изучать эти три предмета изолированно другъ отъ друга. Эти три науки не должны представляться намъ тремя богинями, идущими впередъ на далекомъ разстояніи одна отъ другой по тщательно отмежеваннымъ путямъ, ревниво охраняя свои области. Нѣтъ, это сестры-единомышленницы, идущія объ руку къ познанію одной цѣли, познанію всего міра (Universum). Только соединенными усиліями онѣ могутъ достигнуть этой высокой цѣли».

Какъ мы уже говорили, Риттеръ предлагаетъ начинать изученіе географіи *родиновѣдѣніемъ*. Затѣмъ должно переходить къ *естественному землеописанію* (въ этотъ же курсъ Р. включаетъ и необходимѣйшія основы математической географіи). Вся поверхность земли должна быть раздѣлена на большія естественныя области, которыя и должны быть положены въ основу ея разсмотрѣнія. Естественныя дѣленія земли составляютъ вмѣстѣ съ тѣмъ фун-

даментъ и для политической географіи, прагматическое изученіе которой только и мыслимо на почвѣ этого естественнаго фундамента. Сходство климата и мѣстныхъ условій въ естественныхъ комплексахъ странъ создаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и общность культурныхъ отношеній.

Въ дальнѣйшемъ курсѣ, при изученіи политической географіи, должно научиться наносить на истинную поверхность земли королевства, герцогства, провинціи и округа, ихъ названія и границы. Ученикъ долженъ составить себѣ ясное представленіе о томъ, что дано природой и что—человѣкомъ. Онъ легко найдетъ причины данной формы политической границы; тамъ, гдѣ она не отвѣчаетъ природнымъ условіямъ, онъ долженъ объяснить ее особыми отношеніями и историческими условіями. Все государство въ его главныхъ отношеніяхъ, со всѣми его дѣленіями, со всѣми различіями почвы, климата и строенія, его культурой, обитателями, числомъ городовъ, главными силами и т. д., будетъ ясно стоять передъ его глазами. Ученикъ свыкнется съ тѣмъ философскимъ воззрѣніемъ, что не территорія связана съ государствомъ, а государство—съ территоріей; онъ привыкнетъ вмѣстѣ съ тѣмъ изучать детали не ради нихъ самихъ, а въ ихъ отношеніи къ цѣлому. Въ его душѣ постепенно будетъ складываться образъ вселенной въ ея цѣломъ и будетъ крѣпнуть убѣжденіе, что въ мірѣ далеко не все дѣло рукъ человѣческихъ.

Интересно отмѣтить также взгляды Риттера на то, какъ должны изучаться въ географіи произведенія различныхъ странъ (коммерческая географія) [1]). Картина нашей планеты, говоритъ онъ, какъ въ ея общемъ и цѣломъ, такъ и по отношенію къ ея отдѣльнымъ областямъ должна пополняться оцѣнкой ея хозяйственнаго значенія. Должны быть основательно прослѣжены взаимоотношеніе между

---

[1]) Der tellurische Zusammenhang der Natur u. Geschichte in den Productionen der drei Naturreiche, oder über eine geographische Productenkunde. Schriften der Berliner Akademie, 1836.

дарами природы и образомъ жизни людей, связь между промышленною дѣятельностью и культурой съ одной стороны и природными условіями страны съ другой.

Къ сожалѣнію, коммерческая географія до сихъ поръ не проникласъ этими взглядами, и рѣдко приходится отмѣчать въ ней стремленіе одухотворить общей идеей всѣ тѣ частныя свѣдѣнія, которыя приводитъ она, стремленіе дать общую картину, выяснить изъ природныхъ условій тѣ или иныя формы и явленія хозяйственной жизни.

Очень много для реформы преподаванія географіи сдѣлалъ и другой выдающійся песталоццianецъ—*Дистервегъ*. Въ области географіи у него не было ни глубины, ни учености Риттера. Но, благодаря громадному вліянію своей личности, своимъ многостороннимъ педагогическимъ талантамъ, глубокому пониманію истинныхъ потребностей школы, Дистервегъ сдѣлалъ для надлежащей постановки географіи въ школѣ, особенно элементарной, еще больше, чѣмъ Риттеръ. Идея о необходимости пропедевтическаго курса географіи—родиновѣдѣнія—пріобрѣла широкіе круги послѣдователей именно благодарю Дистервегу. Онъ показалъ, какъ на родиновѣдѣніи должно быть построено знакомство съ отечествомъ, а затѣмъ и со всѣмъ міромъ, и выяснилъ, какъ лучше всего воспользоваться данными *лично* пережитого опыта въ области географіи.

Особенно цѣня этотъ личный опытъ, Дистервегъ требовалъ для учениковъ—прогулокъ, для учителя—отдаленныхъ путешествій пѣшкомъ. Онъ настаивалъ на томъ, чтобы географія изучалась не для школы, а для жизни. Весь хламъ, разсчитанный только на память, вся груда пустыхъ словъ, не связанныхъ съ конкретными представленіями и потому осужденныхъ быть забытыми, должны быть устранены изъ географіи. Ученикъ долженъ научиться самъ «дѣлать заключенія объ особенностяхъ страны на основаніи наблюденныхъ формъ», уяснить себѣ смыслъ,

заключающійся въ этихъ формахъ. Обучая географіи, говоритъ далѣе Дистервегъ, нужно строго отличать существенное отъ несущественнаго, выдвигать характерное и постоянное и не касаться ничего неважнаго и случайнаго.

Въ частности относительно постановки родиновѣдѣнія Дистервегъ высказалъ такія мысли.

«Если правда, что человѣкъ отличается отъ неразумныхъ существъ и тѣмъ, что съ яснымъ сознаніемъ относится къ окружающимъ его явленіямъ; если правда, что недостойно человѣка не знать объ окружающихъ его условіяхъ; если правда, что дѣйствовать правильно среди условій жизни можно лишь постольку, поскольку уяснены эти условія; если правда, что человѣкъ можетъ добиться цѣлей своего существованія лишь въ сообществѣ съ себѣ подобными, т.-е. въ семейномъ и гражданскомъ союзѣ: то тѣмъ самымъ, по моему убѣжденію, подтверждается и то, что изъ всѣхъ знаній о землѣ самымъ важнымъ и необходимымъ для каждаго ученика является знакомство съ тѣмъ пространствомъ, въ которомъ онъ живетъ, съ тѣми гражданскими и государственными отношеніями, которыя вліяютъ на него, среди которыхъ и на которыя онъ призванъ воздѣйствовать. Я не вѣрю, чтобы кто-нибудь могъ возражать противъ этого.

«Какимъ путемъ можемъ и должны мы познакомить своихъ учениковъ съ чужими, недоступными ихъ наблюденію предметами изъ области географіи? Какое другое средство можетъ быть предложено для этого, кромѣ знакомства съ ближайшими окрестностями дома и мѣста жительства, кромѣ пристальнаго и сознательнаго наблюденія этихъ окрестностей? Какъ можно предположить, что ученикъ составитъ себѣ ясное представленіе о теченіи рѣки, о склонѣ горы, о соединеніи долинъ и т. п., если онъ не видѣлъ всего этого своими глазами у себя дома? Не нужно думать, что все это дѣлается само собой и можетъ предполагаться при преподаваніи, какъ извѣстное! Чтобы освободиться отъ этого предразсудка, заставьте учениковъ обык-

новенныхъ способностей, въ возрастѣ около 12 лѣтъ, дать вамъ болѣе или менѣе точное описаніе знакомыхъ имъ окрестностей. Вы убѣдитесь, какъ мало точности и много пробѣловъ въ ихъ наблюденіяхъ надъ тѣмъ, что находится предъ ихъ глазами, какъ рѣдко запечатлѣвается въ ихъ воображеніи живой и вѣрный образъ родины. А отсюда и сдѣлайте выводъ, какъ трудно ученику и человѣку вообще представить себѣ въ воображеніи далекое, недоступное тѣлесному глазу, если это представленіе не облегчается связью и сравненіемъ неизвѣстнаго съ извѣстнымъ!

«Изъ этихъ, какъ я убѣжденъ, неопровержимыхъ положеній, слѣдуетъ то, что первое мѣсто при изученіи географіи мы должны отвести географическому знакомству съ ближайшими окрестностями и тѣмъ пространствомъ, гдѣ ученику суждено провести ближайшій періодъ своей жизни, что мы должны начинать съ ближайшаго и лишь постепенно переходить къ болѣе отдаленному.»

Очень много сдѣлалъ Дистервегъ и для надлежащей постановки преподаванія популярной астрономіи, которой придавалъ огромное значеніе. Она, думалъ онъ, должна стать общимъ достояніемъ всѣхъ образованныхъ людей, такъ какъ она является «величественной, возвышенной и возвышающей духъ наукой, законы и правила которой говорятъ намъ о созидательной дѣятельности не человѣка, а Творца міра. Послѣ того какъ Коперникъ и Ньютонъ вывели астрономію изъ младенческаго состоянія, она стала универсальнымъ, всеобщечеловѣческимъ воспитательнымъ оружіемъ. Между орудіями воспитанія, которыя называютъ humaniora, она занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ. Въ нее должно быть включено все то, что необходимо для правильнаго представленія суточныхъ и годичныхъ явленій, воспринимаемыхъ невооруженнымъ глазомъ, и то, что необходимо для пониманія самыхъ общихъ и важныхъ явленій на всей землѣ и на небѣ. То же, чего ребенокъ не можетъ наблюдать непосредственно, не должно входить въ популярный курсъ астрономіи».

На этомъ можно и покончить нашъ историческій обзоръ, такъ какъ дальше начинается уже очень близкая къ намъ и даже современная намъ эпоха.

Изъ приведенныхъ фактовъ ясенъ отвѣтъ на вопросъ, поставленный въ началѣ очерка. Мы видѣли, какъ давно уже были выдвинуты тѣ идеи, которыя до сихъ поръ являются новыми въ области преподаванія географіи, новыми потому, что онѣ все еще пробиваютъ себѣ путь. Это—идеи о необходимости самодѣятельности учащагося при изученіи географіи, необходимость самостоятельныхъ наблюденій и выводовъ, изученія живой природы, а не мертвыхъ страницъ книги; идея о необходимости замѣнить мозаическій подборъ разрозненныхъ фактовъ такой картиной поверхности земного шара, въ которой чувствовалась бы органическая связь между всѣми явленіями природы, а также между жизнью природы и человѣка. Это, наконецъ, идея о томъ, что нужно знакомить и съ процессомъ возникновенія и развитія формъ и явленій, а не съ однимъ только даннымъ состояніемъ этихъ формъ.

Идеи эти были давно не только выдвинуты, но и обстоятельно обоснованы. Но въ свое время онѣ были достояніемъ лишь немногихъ особенно выдающихся умовъ, практика же преподаванія оставалась совершенно рутинной. Затѣмъ онѣ начинаютъ пользоваться все большимъ вниманіемъ и постепенно начинаютъ примѣняться и на практикѣ. Особенностью нашего времени и является не самое возникновеніе «новыхъ» идей, а та широкая популярность, которой онѣ начинаютъ пользоваться. Онѣ давно стали азбукой преподаванія географіи въ высшихъ школахъ. Онѣ находятъ широкое примѣненіе и въ элементарной школѣ, особенно на Западѣ. А теперь, наконецъ, онѣ начинаютъ проникать и въ послѣднюю твердыню схоластическаго метода преподаванія—въ среднюю школу.